

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ КОМБИНАЦИИ ФАКТОРОВ В СТРАНАХ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ: КАЧЕСТВЕННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Алиса Романовна Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Современные способы коммуникации и взаимодействия, в том числе с использованием новейших информационных технологий, инициативные протестные действия образованной молодежи, неудовлетворенной своим социальным положением, а также ряд культурных факторов, актуализировавшихся на фоне общей благоприятной для возникновения социально-политической дестабилизации обстановки, стали характерными чертами Арабской весны. В предлагаемой статье с использованием качественного сравнительного анализа было установлено, что в арабских странах, затронутых антиправительственными выступлениями в 2010–2011 гг., различные комбинации коммуникационных, поколенческих и культурных факторов выступали в качестве триггеров протестной активности. Для конфигураций с положительным исходом (смена политического режима произошла) наибольшим дестабилизационным потенциалом обладают комбинации с присутствием следующих факторов: повышенное число пользователей мобильной связи, повышенное число мечетей, высокий уровень урбанизации, высокий уровень безработицы, а также наличие повышенного числа футбольных болельщиков в политическом пространстве страны. Для конфигураций с отрицательным исходом (смена политического режима не произошла) наибольшим потенциалом сохранения социально-политической стабильности обладают комбинации с присутствием следующих факторов: отсут-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ствие повышенного числа мечетей, отсутствие повышенного числа Интернет-пользователей, отсутствие повышенного числа молодых людей, низкий уровень безработицы среди молодежи и субъективное ощущение счастья.

Факторы арабских революций

Через социально-политических потрясений, охватившая Арабский мир в 2011–2012 гг. и отчасти повлиявшая на последующее распространение протестной активности в других регионах мира, по сей день остается предметом научных дискуссий. Определение причин, движущих сил и факторов социально-политической дестабилизации в рамках событий так называемой Арабской весны представляется важным с исследовательской точки зрения, поскольку позволяет лучше понять природу социально-политических изменений последнего времени в арабских странах и в других регионах с аналогичными уровнями развития и со схожим типами конфликтности.

Исследования российских и зарубежных ученых (Коротаев и др. 2011; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев, Исаев, Шишкина 2011; Коротаев, Исаев, Шишкина 2013; Goldstone 2002; Howard, Parks 2012) показали, что социально-экономические и политические факторы сами по себе в случае с событиями Арабской весны не могли стать катализатором начала протестных действий. Более того, самые тяжелые их последствия наблюдались как раз в наиболее динамично развивающихся странах Ближнего Востока и Северной Африки – Тунисе, Египте, Ливии и т. д. Это дает нам основания полагать, что непосредственными причинами возникновения ситуации социально-политической дестабилизации были различные комбинации факторов. Они варьировались в зависимости от специфики каждой страны, однако «спусковые крючки», катализаторы начала массовых выступлений были связаны в большей степени с культурными, коммуникативными и возрастными характеристиками общества в рассматриваемых государствах.

Можно усмотреть характерную примету Арабской весны в инициативных протестных действиях образованной молодежи, неудовлетворенной своим социальным положением. В пострадавших от волны социально-политической дестабилизации странах наблюдались так называемые «молодежные бугры» (на второй фазе демо-

графического перехода происходит сильное уменьшение рождаемости, в тенденции ведущее к сокращению доли молодежи в общей численности населения, но происходит это со значительным запаздыванием, в результате чего в демографической истории соответствующей страны и образуется «молодежный бугор»). (Коротаев, Божевольнов и др. 2011) Обладая компьютерной грамотностью и достаточным уровнем знания иностранных языков, эта сила оказалась в состоянии полностью переформатировать политическую обстановку не только в конкретных странах, но и в регионе в целом. Кроме того, некоторые социокультурные особенности Арабского мира стали серьезным препятствием для установления продуктивного диалога между властью и обществом, в отличие, скажем, от европейских стран или США.

Новейшие способы коммуникации и взаимодействия, в том числе с использованием новейших информационных технологий, постепенно проникают в различные сферы жизни общества, в том числе политическую. Во время антирежимных выступлений 2011–2012 гг. в арабских странах так называемые «новые медиа» заявили о себе (впервые с подобной силой) не только как об эффективном инструменте политической активности внутри одной страны, но также и как о способе синхронизации протестной волны в рамках всего региона или даже в мировом масштабе (Bennett, Segerberg 2012; Diamond 2012; Swigger 2011). В этом случае также весьма ярко проявилось противостояние традиционных СМИ, как правило, подконтрольных руководству той или иной страны и характеризующихся достаточно выраженной идеологической ориентацией, и новых медиа, обладающих такими коммуникативными характеристиками как: возможность обратной связи, отсутствие узнаваемых оппозиционных лидеров (в виртуальном пространстве лидерство фактически оказывается размытым в силу высокого уровня анонимности коммуникации, невозможности прямого взаимодействия «лицом к лицу» между участниками, а также отсутствия четких идеологических установок), которые, к тому же, накладывались на традиционные для арабского мира коммуникативные форматы в виде, например, пятничных молитв.

Характерной особенностью протестов Арабской весны стало также то, что в ходе выступлений на фоне общей благоприятной для возникновения социально-политической дестабилизации поли-

тико-экономической обстановки актуализировался ряд культурных факторов, интенсифицировав напряженность в конкретных странах и в арабском регионе в целом. К таким факторам можно отнести недовольство тех или иных групп населения своим социальным положением, их отношение к внутриэлитным конфликтам внутри страны, а также участие женщин в протестных движениях и активное включение футбольных болельщиков в политическое пространство. Здесь стоит также отметить, что было выдвинуто и впоследствии доказано предположение о том, что такой фактор как «субъективное ощущение счастья» может операционализировать совокупность теорий, описывающих расхождение между уровнем и темпами экономического развития и восприятием уровня жизни населением.

В качестве групп вероятных причин социально-политической дестабилизации в арабских странах можно выделить следующие: экономические (последствия экономического кризиса, безработица, низкая заработная плата и пр.), социально-политические (тип политического режима, наличие разного рода противоречий в политическом поле страны, неэффективность инструментов передачи власти и т. п.), структурно-демографические (высокая доля молодежи в общей численности населения, снижение уровня смертности и увеличение продолжительности жизни и др.) и другие.

А. В. Коротаяев с соавторами в статье «социально-демографический анализ Арабской весны» (Коротаяев, Ходунов и др. 2012) рассматривают неблагоприятную динамику ВВП на душу населения, бедность, коррупцию, безработицу, динамику численности молодежи и другие факторы как возможные причины, приведшие к нестабильности в странах Арабской весны. Авторы приходят к выводу, что относительная динамика производства ВВП на душу населения во многих арабских странах в период с 1991 по 2010 гг. продемонстрировала значительный рост. В соответствии с данными Всемирного банка, падение темпов роста ВВП наблюдалось в Алжире и Йемене, причем если в первом случае это было связано с гражданской войной 1990-х и падением мировых цен на нефть, то в случае с Йеменом более быстрыми темпами роста населения, которые «съедали» рост ВВП в этой стране.

Что касается уровня коррумпированности, то в этом случае, согласно данным *Transparency International* (*Corruption Perceptions*

Index 2010; Коротаев, Ходунов и др. 2012) страны Ближнего Востока находятся на том же уровне, что и многие развивающиеся страны. При этом авторы особо подчеркивают, что причины нестабильности не стоит искать в этом показателе, так как страны с высоким уровнем коррупции, такие как Китай, Мексика или Бразилия, демонстрировали политическую стабильность в последние годы, а потрясения Арабской весны охватили как страны с низким уровнем коррупции (Бахрейн), так и со средним (Тунис и Египет), а также высококоррупцированную Ливию (Коротаев, Ходунов и др. 2012).

Бедность населения также сложно отнести к основным причинам социально-политической нестабильности в рассматриваемом регионе, так как ни в одной из ближневосточных стран показатель крайней бедности не превышает 20 %, в отличие, скажем, от стран Центральной Азии или Африки южнее Сахары. Кроме того, в Египте – одной из стран, переживших наиболее разрушительные волнения, крайняя бедность была почти полностью ликвидирована (Там же).

Значительно более неоднозначным показателем выступает уровень безработицы. Несмотря на то, что первое десятилетие XXI в. уровень безработицы в арабских странах оставался достаточно высоким, в большинстве случаев не наблюдалось тенденции к ее росту. При этом важной характеристикой безработицы являлось ее превалирование в среде молодежи с высшим образованием.

Кроме того, применительно к протестам Арабской весны в качестве потенциально дестабилизирующих факторов нередко приводятся такие как значительное по сравнению с предшествующими периодами вовлечение женщин в протестные движения, включение футбольных болельщиков в политическую борьбу и пр.

Итак, под потенциальными факторами дестабилизации в рамках данного исследования понимаются признаки, которые предположительно могут оказывать влияние на динамику социально-политической дестабилизации (выступать в качестве ее условий). Потенциально дестабилизирующие факторы подразделяются на три кластера – коммуникационные, поколенческие и культурные.

Коммуникационные факторы социально-политической дестабилизации в ходе событий Арабской весны

Каждая из затронутых событиями Арабской весны стран в данной работе стран отличается собственным комплексом различных коммуникационных форм мобилизации – в частности, рэп-композиций в Тунисе, блоггерской активности в Египте, народной журналистики в Сирии и т. д. Очевидно, что обращение протестующих к проявлениям творчества посредством новейших информационных технологий имеет глубокую культурно-историческую обусловленность; так, к примеру, композиции в стиле рэп традиционно ассоциируются с критикой доминирующей в обществе идеологии и социальных реалий с точки зрения меньшинств или ущемленных в правах групп населения (к примеру, чернокожее население США) (Черных 2007), а распространение резонансных сочинений, статей или листовок с призывами к действию сопровождало многие исторические периоды социально-политической нестабильности. В результате социальные медиа стали довольно эффективным инструментом проблематизации сложившейся в стране ситуации и мобилизации населения для активных действий.

Развитие и распространение новейших электронных средств коммуникации влечет за собой формирование неподконтрольной правительствам сферы, но постепенно Интернет-площадки в той или иной степени становятся объектами контроля со стороны властей. В этой связи приобретает важность рассмотрение такого феномена как Интернет-цензура и возможных последствий ее внедрения в арабских странах. В контексте событий Арабской весны Интернет зачастую играл роль не только эффективного инструмента мобилизации народного недовольства, но и своего рода «спускового крючка» протестной активности, особенно после попыток блокирования связи или значительного ограничения трафика со стороны правительства. Можно также говорить и о политизации некоторых групп населения, демонстрировавших в предыдущие периоды политическую индифферентность: так, отключение «рутинных» пользовательских ресурсов спровоцировало попытки получить доступ к запрещенным ресурсам и, как следствие, пробудило повышенный интерес (в том числе активный, «на улице») к происходящим в стране событиям (Шишкина, Исаев 2014).

Для анализа в этом случае были отобраны следующие индикаторы:

- число пользователей сети Интернет (World Development Indicators Online 2012);
- количество пользователей мобильной сети (Там же);
- количество пользователей социальных сетей Facebook и Twitter;
- спутниковые СМИ (Макарычев 2014);
- цензура в медиа-пространстве арабских стран.

На основе материалов различных статистических бюро, баз данных, международных организаций и исследовательской литературы, в первую очередь таких как Всемирный банк, удалось собрать данные по количеству Интернет-пользователей в некоторых арабских странах, количеству мобильных подписок, пользователей социальных сетей Facebook и Twitter.

Табл. 1. Таблица данных коммуникационных факторов Арабской весны

Страна	Количество Интернет-пользователей на 100 чел	Количество пользователей мобильной связи на 100 чел	Количество пользователей сети Facebook, %	Количество пользователей сети Twitter
Тунис	41,4	115,2	31	35746
Египет	39,8	105	14,5	131204
Ливия	14	163,8	13,9	63919
Сирия	22,5	59,2	15	40020
Бахрейн	76,9	131	33,1	61896
Марокко	46,1	114	15,8	17384
Алжир	14	94,3	11	13235
Йемен	14,9	50	2	29422
Ливан	51	77,2	38,3	79163

Источники данных: World Bank Indicators Online 2016 (Количество Интернет-пользователей на 100 чел; Количество пользователей мобильной связи на 100 чел); Internet Usage in the Middle East 2015 (Количество пользователей сети Facebook, %); Twitter Usage in the MENA Region 2016 (Количество пользователей сети Twitter)

Как мы можем видеть, собранные данные не являются гомогенными и представлены в несовместимых системах исчисления – в количестве на 100 чел. населения, процентах, а также путем простого

подсчета количества подключений. Однако такое положение дел не представляет проблемы при использовании метода качественного сравнительного анализа, так как для непосредственной работы с программой четких множеств данные необходимо дихотомизировать согласно заданным пороговым значениям. Пороговое значение является своего рода переходной точкой: все значения, располагающиеся до нее, попадают в разряд [0], а после – [1] (Табл. 2).

Табл. 2. Дихотомизированная таблица случаев

Страна	Количество Интернет-пользователей на 100 чел.	Количество мобильных подключений на 100 чел.	Количество пользователей сети Facebook, %	Количество пользователей сети Twitter	Влияние спутниковых каналов	Интернет-цензура
Тунис	1	1	1	1	0	1
Египет	1	1	1	1	1	1
Ливия	0	1	0	1	0	1
Сирия	1	1	1	1	1	1
Бахрейн	1	1	1	1	0	1
Марокко	1	1	1	1	0	0
Алжир	0	1	0	0	0	0
Йемен	0	0	0	0	1	1
Ливан	1	1	1	1	0	0

Здесь стоит отдельно остановиться на проблеме установления пороговых значений. Так, что касается количества Интернет-пользователей, то в этом случае нами был установлен порог в 20 пользователей на 100 чел. Таким образом, три страны – Ливия, Алжир и Йемен – приобретают значение [0], что логически соотносится с экономической и социокультурной реальностью: Ливия – одна из арабских стран с наименее развитой телекоммуникационной структурой вследствие проводимой Муаммаром Каддафи политикой ограничения распространения новых СМИ (Moore 2011); Алжир представляет собой государство с развитыми механизмами контроля гражданских свобод со стороны армии и служб безопасности (Naaretz 2012), и в первую очередь это касается СМИ – неудивительно, что эта страна по данному показателю оказалась на одном уровне с Ливией. В случае с Йеменом мы можем говорить о

достаточно низком уровне жизни населения, что значительно затрудняет распространение современных информационных технологий. Соответственно, остальные страны получили значение [1].

Практически все рассматриваемые страны, за исключением Йемена, демонстрируют высокие показатели покрытия мобильных подключений ввиду относительно невысокой стоимости подключения и легкости строительства соответствующей инфраструктуры (по сравнению, например, с кабельными подключениями). Ввиду того, что данные по этому показателю во всем рассматриваемых странах не различаются даже на один порядок, выставляем значение [1] для каждого кейса. Данное предположение подтверждается статистикой и прогнозами агентства “Middle East Voices” относительно дальнейшего распространения мобильных технологий в арабском регионе (Middle East Voices 2012). Однако в этом случае данный показатель оказывает нерезультативным для процедуры качественного сравнительного анализа, а так как скорректировать дихотомизированную таблицу не представляется возможным, так как этот показатель высок для всех рассматриваемых стран, мы вынуждены исключить данный показатель из анализа.

Что касается пользователей социальных сетей Facebook и Twitter, то для первого показателя устанавливаем пороговое значение в 14 %, получая при этом ситуацию, схожую с количеством Интернет-пользователей: ниже этого уровня оказываются страны с наиболее низким уровнем дохода и распространения Интернета; для сети Twitter устанавливаем порог в 30 тыс. пользователей, что также логически вписывается в фактическую ситуацию с уровнем покрытия глобальной сетью, за одним исключением – Ливией, однако в данном случае важную роль могло сыграть наличие повышенного числа пользователей мобильной связи, так как мобильное приложение Twitter активно используется в Арабском мире.

Итак, у нас осталось два фактора, которые трудно отобразить статистически, однако можно закодировать на основе тех или иных данных, а также следуя определенной логике исследования – влияние спутниковых телеканалов и Интернет-цензура. В отношении первого показателя – Интернет-цензуры – стоит обратиться к аналитическим материалам таких международных организаций как «Reporters Without Borders», «Freedom House» и «OpenNet Initiative», в соответствии с которыми к моменту начала антиправи-

тельствующих выступлений Арабской весны признаки цензурирования виртуального пространства по различным показателям (политическим, социальным, вопросам безопасности, а также применения различных инструментов фильтрации трафика) обнаруживаются в таких странах как Тунис, Египет, Сирия, Бахрейн, Ливия и Йемен. В то же время в Марокко, Алжире и Ливане либо не было обнаружено свидетельств серьезного контроля медиа-пространства, либо были выявлены технические ограничения распространения порно-контента и информации, несущей в себе потенциальную террористическую угрозу (OpenNetInitiative 2009; Freedom House 2011; Reporters Without Borders 2012).

Второй показатель – влияние спутниковых телеканалов – труднее всего поддается кодированию, так как в рамках данной работы речь идет не об «эффект аль-Джазирь»¹ как таковом, а о влиянии, оказанном освещением событий в одной стране, на другие. К примеру, события в Тунисе получили достаточно широкое освещение крупными спутниковыми телеканалами и оказали существенное влияние на протестные настроения в Египте, вдохновив демонстрантов на организацию антиправительственных выступлений. Однако в отношении самих тунисских событий такой закономерности не наблюдалось. Таким образом, Тунис мы можем закодировать со значением [0], Египет – соответственно, [1]. Также мы можем сразу определить значение такой страны как Бахрейн: это одна из монархий Персидского залива, и освещение происходивших там протестов было невыгодно ни аль-Джазире, штаб-квартира которой находится в Катаре, ни аль-Арабийи, базирующейся в ОАЭ, так как это могло бы сыграть дестабилизирующую роль в этом подрегионе. Кроме того, отсутствуют свидетельства влияния ситуации в остальных арабских странах, как это было, например, в Сирии или Йемене, где активисты открыто подчеркивали заметную роль теле-репортажей о протестах Арабской весны (кодируем со значением [1]) (Исаев, Шишкина 2012а). Это может быть связано с тем, что бахрейнская оппозиция имела достаточно четко выраженную конфессиональную окраску – шиитскую, то есть протестные настроения, в отличие от других стран, были направлены в основном против суннитского руководства страны и его политики, а не режима в

¹ Термин, используемый для обозначения влияния средств массовой информации и, в частности, новых медиа, на глобальную и региональную политику.

целом (Берг 2011). Кроме того, в Бахрейне развита цензура медиапространства, что также могло стать препятствием на пути распространения революционных новостных потоков. Именно поэтому Бахрейн также получает значение [0]. Что касается остальных стран, то в соответствии с уровнем цензуры и плотностью аудитории спутниковых телеканалов (Al-Jazeera 2013) присваиваем им значения [0].

В рамках данной работы используется csQCA – качественный сравнительный анализ четких множеств, так как все рассматриваемые переменные можно привести к дихотомизированному виду. Соответственно, для дальнейшего анализа с использованием булевой алгебры необходимо обратиться к таблице истинности. Используя логический алгоритм систематизации случаев, демонстрирующих идентичные значения условий, получаем таблицу, где представлены уже не единичные случаи, а сумма всех комбинаций с одинаковыми условиями и результатом, или конфигураций (Табл. 3).

Табл. 3. Сводная дихотомизированная таблица случаев

Страна	Количество Интернет-пользователей на 100 чел.	Количество пользователей сети Facebook, %	Количество пользователей сети Twitter	Влияние спутниковых каналов	Интернет-цензура
Тунис, Бахрейн	1	1	1	0	1
Египет, Сирия	1	1	1	1	1
Ливия	0	0	1	0	1
Марокко	1	1	1	0	0
Алжир	0	0	0	0	0
Йемен	0	0	0	1	1
Ливан	1	1	1	0	0

Как мы можем видеть, некоторые конфигурации в нашем случае являются контрадикторными, то есть при идентичных по значению переменных они разнятся в своем результате (в одном случае следствие – здесь, смена политического режима – наступает, а в другом – нет). В полученной таблице истинности таковыми стали Ту-

нис и Бахрейн: при наличии одинаковых условий в первом случае смена режима имела место, а во втором – нет.

Решением проблемы противоречивых конфигураций может стать добавление дополнительных условий к модели, которые могут стать дополнительным источником различий между случаями. Так, после выявления противоречивой конфигурации была предпринята попытка добавить такой фактор как использование видеохостинга YouTube – третьего наиболее популярного сервиса наряду с Facebook и Twitter, использованных в ходе событий Арабской весны, однако это вызвало существенные затруднения, так как, во-первых, не удалось собрать достаточно статистических данных (что, в свою очередь, может быть связано с трудностью фиксации обращения к этому сервису: распространение видео-материалов возможно без регистрации пользователя), а во-вторых, есть основания полагать, что использование YouTube в арабских странах приблизительно совпадает с соответствующими данными по другим социальным медиа, таким образом, введение этого фактора оказалось бы нерезультативным.

Далее был отмечен тот факт, что апробация современных информационных технологий в ходе Арабской весны в большинстве случаев накладывалась на традиционно арабские практики – в частности, использование пятничных намазов для проведения демонстраций. Дж. Бейнин отмечает, что мечети как пространство регулярного общения масс людей с возможностью направлять их настроение посредством проповеди также стали коммуникативным инструментом эскалации протестной активности (Beinin 2011). Таким образом, добавим к нашему анализу такой фактор как *количество мечетей* в рассматриваемых странах. Причем в данном случае стоит подчеркнуть, что важна не столько поддержка верующими тех или иных идеологических принципов, сколько сам факт наличия мечетей, поскольку основная часть населения стран Арабской весны являются мусульманами суннитского толка и, соответственно, посещение мечетей для них является важным религиозным ритуалом, структурирующим повседневность. Таким образом, в рамках данной работы мечети рассматриваются как коммуникативное пространство, и берется в расчет именно их способность физически аккумулировать значительные скопления людей в крупных городах.

На основе различных источников, в том числе отчета, подготовленного компанией Deloitte и Дубайским Исламским Центром развития экономики (Deloitte 2014), а также данных Pew Research Center, удалось собрать необходимые данные по количеству мечетей в арабских странах.

В результате первоначальная таблица данных дополнилась следующими показателями. Тунис – 20698, Египет – 111508, Ливия – 12704, Сирия – 41790, Бахрейн – 1310, Марокко – 49885, Алжир – 20000, Йемен – 48046, Ливан – 5084 мечети. Установив пороговое значение на уровне в 10000 и отделив таким образом Ливан и Бахрейн (в первом случае речь идет о стране с поликонфессиональной структурой общества, а во втором – об одном из самых маленьких государств Арабского мира с небольшой численностью населения) от остального списка стран, где преобладает мусульманское население и, соответственно, есть основания ожидать дестабилизирующего эффекта, распространяемого в пространстве мечетей, получаем обновленную версию дихотомизированной таблицы (Табл. 4):

Табл. 4. Обновленная дихотомизированная таблица

Страна	Количество Интернет-пользователей на 100 чел.	Количество пользователей сети Facebook, %	Количество пользователей сети Twitter	Влияние спутниковых каналов	Интернет-цензура	Число мечетей
Тунис	1	1	1	0	1	1
Египет	1	1	1	1	1	1
Ливия	0	0	1	0	1	1
Сирия	1	1	1	1	1	1
Бахрейн	1	1	1	0	1	0
Марокко	1	1	1	0	0	1
Алжир	0	0	0	0	0	1
Йемен	0	0	0	1	1	1
Ливан	1	1	1	0	0	0

С учетом внесенных изменений таблица истинности приобрела следующий вид (Табл. 5):

Табл. 5. Обновленная таблица истинности

Страна	Количество Интернет-пользователей на 100 чел.	Количество пользователей сети Facebook, %	Количество пользователей сети Twitter	Влияние спутниковых каналов	Интернет-цензура	Число мечетей
Египет, Сирия	1	1	1	1	1	1
Тунис	1	1	1	0	1	1
Бахрейн	1	1	1	0	1	0
Ливан	1	1	1	0	0	0
Ливия	0	0	1	0	1	1
Марокко	1	1	1	0	0	1
Йемен	0	0	0	1	1	1
Алжир	0	0	0	0	0	1

Добавление новой переменной позволило избежать противоречивых конфигураций: мы по-прежнему наблюдаем ситуацию, при которой две страны имеют одинаковые условия – Египет и Тунис, однако в этом случае между ними нет противоречия, так как обе они прошли через мощную дестабилизацию. Далее проводим анализ в соответствии с зависимостью

$$\text{Destab.} = f(\text{Int.}, \text{Face.}, \text{Twitt.}, \text{Sat.}, \text{Cens.}, \text{Mosq.}),$$

где Destab – исход, выражающийся в смене политического режима в стране, Int. – количество Интернет-пользователей, Face. – число пользователей сети Facebook, Twitt. – число пользователей сети Twitter, Sat. – влияние спутниковых телеканалов, Cens. – цензура в медиа-пространстве, Mosq. – количество мечетей.

На данном этапе нам необходимо свести таблицу истинности к формуле, раскрывающей причинно-следственную связь изучаемых случаев и результата с помощью булевой минимизации. QCA автоматически минимизирует конфигурации отдельно для положительных и отрицательных конфигураций, поэтому нам необходимо будет пройти эту процедуру дважды, так как в социальном мире редко встречается каузальная симметрия.

Итак, для 5 положительных конфигураций мы получили следующие результаты:

Destab=Mosq.*Cens.*Twit.*Face.*Int.
 или Mosq.*Cens.*Sat.*~Twit.*~Face.*~Int.
 или Mosq.*Cens.*~Sat.*Twit.*~Face.*~Int.

Как мы можем видеть, к смене политического режима могут *привести* комбинации таких факторов как наличие² (повышенного числа мечетей, высокий уровень Интернет-цензуры, наличие повышенного числа пользователей социальных сетей Facebook и Twitter, наличие повышенного числа пользователей Интернета и (под это объяснение попадают такие страны как Тунис, Египет и Сирия); наличие повышенного числа мечетей, высокий уровень Интернет-цензуры, влияние спутниковых телеканалов, но при этом отсутствие активного использования социальных сетей Facebook и Twitter и Интернета (данная комбинация соответствует случаю с Йеменом); а также наличие повышенного числа мечетей, высокий уровень Интернет-цензуры, повышенное число пользователей сети Twitter в отсутствие такие показателей как влияние спутниковых телеканалов, повышенное число пользователей сети Facebook и Интернета (эта конфигурация совпадает с кейсом Ливии).

Далее проводим ту же процедуру для отрицательных конфигураций, получив следующие результаты:

Destab=int.*face.*twit.*~sat.*~mosq.
 или int.*face.*twit.*~sat.*~cens.
 или ~int.*~face.*~twit.*~sat.*~cens.*mosq.

В соответствии с ними, к смене политического режима *не приводят* такие сочетания факторов как наличие повышенного числа пользователей Интернета, социальных сетей Facebook и Twitter при отсутствии влияния спутниковых телеканалов и повышенного числа мечетей (под это объяснение попадают две страны – Бахрейн и Ливан); наличие повышенного числа пользователей Интернета, социальных сетей Facebook и Twitter при отсутствии влияния спутниковых телеканалов и высокого уровня Интернет-цензуры (Марокко); а также отсутствие повышенного числа пользователей Интернета, отсутствие повышенного числа пользователей социальных

² Стоит отметить, что здесь и далее термины «присутствие» и «отсутствие» применительно к рассматриваемым индикаторам не означают абсолютное отсутствие или присутствие одного из них в той или иной стране, а указывают на то, что в конфигурациях, приводящих или не приводящих к смене политического режима, сыграло роль значение [1] либо [0] в соответствии с нашей моделью.

сетей Facebook и Twitter, отсутствие влияния спутниковых телеканалов и низкий Интернет-цензуры при наличии повышенного числа мечетей (Алжир).

QSA также дает возможность включить в анализ *потенциально* возможные конфигурации. В данном случае речь идет о логически возможных сочетаниях условий, которые не встречаются в имеющейся базе случаев. Обращение к ненаблюдаемым случаям позволяет исследователю логически встроить имеющиеся у нас комбинации в более широкое множество, сократить полученные формулы и, в конечном счете, выйти на межкейсовые обобщения – основную цель метода. Итак, мы имеем 7 переменных и, в соответствии с формулой $|k|=2^n$

где $|k|$ – общее число возможных конфигураций, а n – количество условий для анализа, получаем 64 потенциально возможных конфигураций ($2^6 = 64$). При этом только 9 конфигураций соответствуют наблюдаемым случаям, остальные же как раз и составляют множество потенциально возможных сочетаний. Исключив из их числа заведомо нерезультативные варианты (алгоритм исключения в данном случае основывается на следующих условиях: потенциальная конфигурация схожа с эмпирически достоверной комбинацией почти по всем пунктам за исключением одного; различия в возможных сочетаниях не относятся к множеству необходимых условий; потенциально возможное сочетание логически обосновано), а также закодировав соответствующим образом исход каждой конфигурации, проводим минимизацию сначала для положительных конфигураций, а затем – для отрицательных.

В первом случае получаем результат, в соответствии с которым достаточным, но не необходимым условием смены политического режима является повышенное число мечетей (Mosc.). В то же время, необходимым, но недостаточным является сочетание таких факторов, как повышенное число пользователей сети Twitter (Twit.) и высокий уровень Интернет-цензуры (Cens.).

Соответственно, для отрицательных конфигураций проведенный анализ показал, что отсутствие повышенного числа мечетей (\sim Mosc.) стало достаточным, но не необходимым условием для сохранения политической стабильности. При этом необходимым, но недостаточным условием стало сочетание таких факторов как от-

сутствие повышенного числа Интернет-пользователей (~Int.) и низкий уровень Интернет-цензуры (~Cens.).

* * *

Проведенный анализ позволил нам заключить, что, вопреки достаточно распространенному представлению о ключевой роли новейших информационных технологий, научное подтверждение находит тот факт, что на динамику революционной активности оказывают заметное влияние лишь некоторые аспекты распространения новых медиа. Так, было выявлено, что широкое распространение Интернета как такового не сказалось на эскалации протестной активности, в то время как важную роль сыграла возможность подключения к социальной сети Twitter, которая, во-первых, является более доступной для большей части населения арабских стран (так как широко распространены приложения для мобильного доступа к этой сети, что значительно проще и дешевле по сравнению с подключением посредством компьютера), а во-вторых, дает возможность быстрого обмена информацией, фото- и видеоматериалами и пр.

Схожие коммуникативные характеристики продемонстрировал и такой фактор как наличие повышенного числа мечетей, где во время молитвы собирается значительное число людей и есть возможность быстрой генерации общего мотива действия. Неслучайно большая часть наиболее заметных демонстраций Арабской весны происходили, как правило, после пятничной молитвы (Игнатенко 2011).

В ходе анализа было выявлено, что цензура в медиа-пространстве также является одним из условий социально-политической дестабилизации и, с другой стороны, ее отсутствие способно внести определенный вклад в сохранение стабильности режима. Судя по всему, в данном случае речь идет о двух дестабилизационных эффектах применения цензуры – сиюминутном и пролонгированном. В первом случае внезапные отключения Интернета, блокирование социальных сетей, аресты активистов и т. п. способны вывести еще большее число людей на улицы – как это было, например, в Египте, где после блокирования мобильной связи люди, не сумев дозвониться до своих родственников во время демонстраций, вышли на площади для того, чтобы найти их (Исаев, Шишкина 2012b). Во втором случае мы можем говорить о длительном формировании

недовольства притеснениями журналистов, блогеров и других гражданских активистов со стороны правительства и служб безопасности, ограничениями в сфере коммуникации и распространения информации, которое в конечном счете достигло своей кульминации на фоне сочетания других располагающих к началу протестов условий.

Таким образом, использование новых технологий коммуникации стало одним из компонентов синхронизации революционных процессов внутри арабских стран и на Ближнем Востоке в целом наряду с такими факторами, как наличие в регионе сходных политических, цивилизационных, идеологических и социальных условий, падение доверия к укоренившимся политическим институтам и, как следствие, стремление к радикальным переменам (Гринин 2012).

В конце данного раздела хотелось бы отметить, что, как известно, антирежимные выступления 2011 г. в Тунисе, а затем и в других арабских странах в западных СМИ практически сразу получили название «твиттерной революции». Такого рода маркер можно рассматривать как ориенталистский, в том смысле, в котором об этом писал Э. Саид в своей широко известной работе «Ориентализм» (Said 1994) – то есть, контрастная репрезентация образа Востока по сравнению с Западом, в некоторой степени даже уничтожительное по отношению к восточным характеристикам развития общества и государства. В данном случае – посредством указания на главенствующую роль изначально западных технологий в протестной активности, нежели самих тунисцев или египтян. Такого рода западоцентристское восприятие едва ли можно считать объективным, тем не менее, оно не оказало заметного влияния на отношение молодых активистов к современным информационным технологиям – более того, оно скорее даже сыграло позитивную роль, принимая во внимание стремление оппозиционно настроенной молодежи приблизиться к демократическому устройству государства западного образца при формировании требований и лозунгов.

Разумеется, существование различий в развитии гражданского общества на Западе и Ближнем Востоке представляется неоспоримым фактом. Так, одной из основных характеристик западного общества является индивидуализм, где на первый план выходит приоритет личностных интересов и целей, а также высоко ценится ак-

тивная гражданская позиция. В Арабском мире, напротив, групповое мышление выступает в качестве основополагающей ценности, а «...статус режима считается более важным, нежели обеспечение прав и свобод личности или развитие частных инициатив» (Samad 2007). Учитывая перечисленные выше характеристики, можно предположить, что информационно-коммуникационные технологии оказали значительное влияние на молодое поколение в арабских странах (Karolak 2011), фактически формируя новую форму социальности и групповой идентичности, однако технологии сами по себе, как уже было неоднократно отмечено, не являются достаточным условием обеспечения социальной и политической активности (Шишкина, Исаев 2014).

Поколенческие факторы социально-политической дестабилизации в странах Арабской весны

Движущей силой протестов Арабской весны стала молодежь, в основной своей массе имеющая высшее образование и не удовлетворенная возможностями своей социальной реализации. Численность молодежи в Арабском мире постоянно растет. Так, 30 % населения стран Северной Африки составляют молодые люди в возрасте от 14 до 25 лет (USAID 2011). Кроме того, Ближний Восток характеризуется одними из самых высоких «молодежных бугров» (резким увеличением пропорции молодежи в общей численности населения и в численности взрослого населения – в частности (Urdal 2006) в мире, уступая по этому показателю лишь африканским странам южнее Сахары (LaGraffe 2012).

В рамках данного исследования уместно обратиться к такому понятию как поколение. Это достаточно многозначный термин и, например, К. Мангейм определяет его как группу лиц одного возраста, члены которой прошли через важное историческое событие в определенный период времени (Pilcher 1994). Размышляя о поколениях конца XX в. и в частности бэби-бумерах, некоторые исследователи выдвигают предположение о поколенческой «эгоистичности», то есть ситуации, когда при относительно благополучном существовании молодые люди берут у общества больше, чем готовы отдать (Beckett 2010). Так, к примеру, со времен американского бэби-бума началось смещение установок и представлений молодых людей (Twenge 2009), которые теперь уже были сосредоточены на

«идеях идентичности и индивидуальности – их в первую очередь волнуют вопросы веры в себя, самоуважения и самореализации» (Хиггс 2014). Подобное видение проблемы представляется релевантным для целей данного исследования, поскольку исследуемые нами акторы относятся к поколению людей, выросших в сравнительно благополучной среде и недовольных прежде всего возможностями социальной реализации. Ниже попытаемся описать причины, приведшие к этой ситуации, а также предпримем попытку рассмотреть факторы социально-политической дестабилизации, связанные с этими процессами.

Согласно теории демографического перехода, описывающей коренную смену типов воспроизводства населения (Chesnais 1992), снижение смертности и трансформация ее причин в перспективе сопровождаются снижением рождаемости и стабилизацией темпов роста населения. Однако это происходит не сразу, в результате чего возникает «демографический взрыв». Важным фактором снижения смертности в ближневосточных странах стало развитие систем здравоохранения, в результате чего количество квалифицированных врачей на душу населения в разы увеличилось за последние 50 лет, возникли достаточно развитые сети медицинских центров, была введена полная вакцинация населения и т. п. Отталкиваясь от предположения о том, что арабские страны в преддверии дестабилизационных процессов Арабской весны переживали этап «ловушки на самом выходе из ловушки»³ (Malthus 1978), мы можем заключить, что существенное снижение смертности, в том числе младенческой, привело к формированию «молодежного бугра». В результате, как отмечает А. В. Коротаяев и др., «произошел резкий рост пропорции той самой части населения, которая в наибольшей степени склонна к насилию, агрессии и радикализму, что уже само по себе выступило мощным фактором политической дестабилизации» (Коротаяев, Ходунов и др. 2012). Таким образом, мы можем рассматривать в качестве одного из потенциально дестабилизирующих факторов численность молодежи в рассматрива-

³ Речь идет о мальтузианской ловушке – ситуации, характерной для доиндустриальных обществ и отличающейся ростом производства средств к существованию и обгоняющим демографическим ростом при одновременном отставании роста производства на душу населения в долгосрочной перспективе, а также отсутствием улучшения условий существования значительной части населения.

емых странах, ориентируясь на достижение той или иной из них феномена «молодежного бугра».

Норвежский политолог Х. Урдал отмечает, что крупные молодежные бугры повышают восприимчивость стран к политическому насилию (Urdal 2006). Так, анализируя эмпирические данные по вооруженным конфликтам в период с 1950 по 2000 гг., он приходит к выводу, что молодежные бугры обеспечивают широкие возможности для проявлений насилия, так как сопровождаются увеличением доли молодежи, не располагающей широким спектром социальных альтернатив в обществе, что отчасти оказывается связанным с безработицей.

Потенциально дестабилизирующим фактором также может выступать *уровень урбанизации*, или *доля городского населения*⁴. Так, А. В. Коротаев и др. отмечают, что миграция из деревни в город приходится в основном на молодежь, и, таким образом, интенсивная урбанизация и фактор «молодежного бугра» действуют совместно, делая дестабилизирующее воздействие особенно мощным: «Особенно быстро растет численность именно молодой, наиболее радикально настроенной части городского населения, при этом такая молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах/политических центрах» (Коротаев, Ходунов и др. 2012).

С. В. Цирель в статье «Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах» говорит о наборе переменных, характеризующих интенсивность революционных действий, среди которых для целей данной работы стоит особо отметить такие показатели, как высшее образование и безработица среди молодежи (Цирель 2012). Таким образом, следующей характеристикой поколения Арабской весны стало наличие *высшего образования* у очень высокой доли его представителей, что было связано с повышенной *безработицей* и несоответствием социальных условий ожиданиям молодых людей, обучающихся в университетах или в недавнем

⁴ В данном случае уместно было бы говорить о высоких темпах урбанизации, однако их индикатором выступает сочетание относительного высокого уровня урбанизации и высокой молодежной безработицы. Для целей данной работы эти показатели анализируются отдельно, так как это позволяет оценить интенсивность воздействия каждого из них на процессы социально-политической дестабилизации.

времени закончивших их. Участие образованной молодежи в антиправительственных выступлениях носит неоднозначный характер: с одной стороны, именно этот факт, по мнению некоторых исследователей, снизил градус агрессивности и, как следствие, обусловил минимальное количество жертв от рук самих протестующих по сравнению с другими потрясениями такого рода (Коротаев, Зинькина 2011); с другой же стороны, именно участие образованных молодых людей в крупных городах стало мобилизационным потенциалом протестных выступлений. Причем, согласно опросам, проведенным М. Хоффманом и А. Джамалем, молодые люди арабских стран действительно имеют серьезные шансы остаться безработными – эти шансы у них в два раза выше по сравнению, например, со средней возрастной группой (Hoffman, Jamal 2011)⁵. Как отмечает Р. Ассаад, демографическая ситуация, при которой значительное число людей ощущают разочарование из-за неспособности конвертировать свое образование в продуктивную занятость, может действительно усугубить уже имеющиеся в обществе проблемы (Ragui 2011).

В исследовательской литературе, посвященной причинам Арабской весны, также можно встретить упоминание такого фактора как увеличение в последние годы *доли неженатых мужчин* (Marks M. 2011; Puschmann P., Matthijs K. 2012; Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014). Это увеличение связывается с наличием жестких запретов на внебрачные половые связи в арабских обществах и существованием целого комплекса брачно-семейных обычаев (как, например, солидный «выкуп за невесту» (калым), что не все молодые люди могут себе позволить, пышное празднование свадеб и т. д.), которые в условиях модернизации, роста цен и стимулиро-

⁵ В том же исследовании М. Хоффмана и А. Джамала приводятся данные опросов относительно роли религии в аккумуляции протестных настроений и их перерастании в антирежимные выступления. Авторы приходят к выводу, что поколение Арабской весны отличается сравнительно достаточно низким уровнем религиозности по сравнению с когортами старшего возраста. Вполне вероятно, что это связано с наличием высшего образования и большим вовлечением молодых людей в систему секулярных ценностей путем приобщения к академической культуре, изучения разных подходов, в том числе западных, к проблемам взаимодействия общества и власти и т. д. Это дает нам основания исключить из анализа религиозный фактор в целом, а также этно-конфессиональное разделение среди участников протестных демонстраций.

вания потребительского интереса привели к финансовой неспособности молодых людей заключать браки, повышая тем самым средний возраст вступления в брак. На Рис. 1, представленном ниже, видно, что за последние десятилетия существенно вырос средний возраст первого вступления в брак среди арабских мужчин.

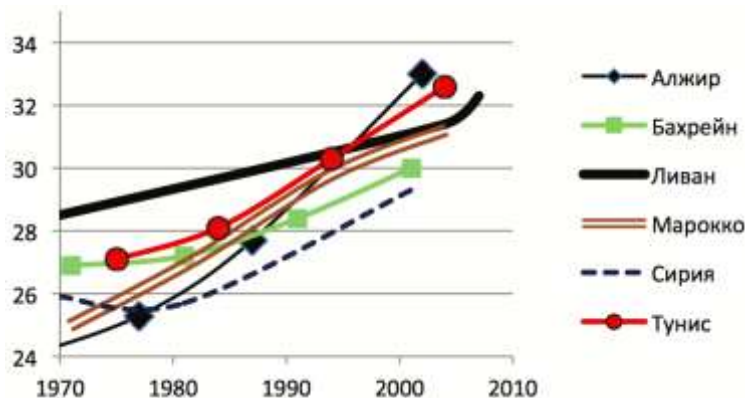

Рис. 1. Средний возраст первого вступления в брак среди мужчин в некоторых арабских странах в последние десятилетия (Population Division Database 2011; Кортаев, Ходунов 2012)

Источник: UN Population Division.

Для анализа, таким образом, были отобраны следующих индикаторы:

- численность молодежи;
- уровень урбанизации, или доля городского населения⁶;
- количество безработных среди молодежи;
- доля людей с высшим образованием;
- доля неженатых мужчин.

⁶ В данном случае уместно было бы говорить о высоких темпах урбанизации, однако их индикатором выступает сочетание относительно высокого уровня урбанизации и высокой молодежной безработицы. Для целей данного исследования эти показатели анализируются отдельно, так как это позволяет оценить интенсивность воздействия каждого из них на процессы социально-политической дестабилизации.

На основе данных Всемирного банка, Отдела народонаселения ООН и других материалов был собран статистический материал по рассмотренным ниже показателям, представленный в таблице ниже. Отметим, что анализируемые данные соответствуют периоду, предшествующему началу антиправительственных выступлений в арабских странах, в большинстве случаев это 2010 г. (Табл. 6).

Табл. 6. Таблица данных поколенческих факторов Арабской весны

Страна	Численность молодежи, тыс.	Доля городского населения, % от общей численности	Количество безработных среди молодежи, тыс.	Доля людей с высшим образованием, %	Доля неженатых мужчин, %
Тунис	2048,4	66,1	58	35,2	8,95
Египет	14859,4	43	69,4	30,9	30,6
Ливия	1211,5	77,9	96	45,3	5,8
Сирия	4240	56	56,3	26	23,6
Бахрейн	309,3	88,6	23,2	42,8	25,3
Марокко	5926,1	58,2	34,5	14,4	19,25
Алжир	7865	68,2	57,4	29,8	8,6
Йемен	4340,1	32,3	76,6	10,6	48,3
Ливан	810,8	87,3	45,1	48,4	11

Источники: Population Division Database 2011; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Божевольнов и др. 2011; Mirkin 2013 (Численность молодежи, тыс.); World Bank, 2011 (Доля городского населения, % от общей численности; Доля людей с высшим образованием,%); CIA 2011 (Количество безработных среди молодежи, тыс); World Marriage Data 2011 (Доля неженатых мужчин, %).

Следующим этапом работы становится приведение таблицы данных к дихотомизированному формату. В нашем случае она приобрела следующий вид (Табл. 7).

Табл. 7. Дихотомизированная таблица поколенческих данных

Страна	Численность молодежи	Доля городского населения	Количество безработных среди молодежи	Доля людей с высшим образованием	Доля неженатых мужчин
Тунис	1	1	1	1	0
Египет	1	1	1	1	1
Ливия	0	1	1	1	0
Сирия	1	1	1	1	1
Бахрейн	0	1	0	1	1
Марокко	1	1	1	0	1
Алжир	1	1	1	1	0
Йемен	1	0	1	0	1
Ливан	0	1	0	1	0

Стоит отметить, что в отношении такого показателя как численность молодежи (обоих полов) был закодирован, исходя из порогового значения в 1500; уровень урбанизации, выраженный в доле городского населения – 50; наличие высокого числа молодых людей с высшим образованием – 26, а доля неженатых мужчин – 10. Напомним, что в таблице данных были представлены разнородные данные, однако процедура QCA позволяет работать с материалами, представленным в разных единицах измерения, так как для каждого из показателей устанавливается отдельное пороговое значение, и в итоге формируется дихотомизированная таблица.

Осуществив процедуру качественного сравнительного анализа четких множеств, мы получаем таблицу истинности и обнаруживаем две пары конфигураций с одинаковым набором переменных. Однако в одном из случаев они приводят к одинаковому исходу – смене политического режима в Египте и Сирии, а в другом являются противоречивыми, то есть при схожих переменных один исход является положительным, а другой – отрицательным. Эти случаи соответствуют эмпирическим данным по Тунису и Алжиру. Напомним, что одним из способов разрешения противоречивых конфигураций является пересмотр пороговых значений, устанавливаемый перед процедурой QCA. В связи с тем, что по всем показателям, кроме численности молодежи, кейсы Туниса и Алжира различаются незначительно, а по данному фактору очевиден суще-

ственный разрыв, нами было принято пересмотреть именно численность молодежи. Так, установление нового порогового значения в 4000 позволяет сформировать новую дихотомизированную таблицу, допустив при этом минимальные отступления от первоначальной таблицы: изменения коснулись лишь Туниса, который приобрел значений [0]. Обновленный вариант таблицы представлен ниже (Табл. 8).

Табл. 8. Обновленная дихотомизированная таблица

Страна	Численность молодежи	Доля городского населения	Количество безработных среди молодежи	Доля людей с высшим образованием	Доля неженатых мужчин
Тунис	0	1	1	1	0
Египет	1	1	1	1	1
Ливия	0	1	1	1	0
Сирия	1	1	1	1	1
Бахрейн	0	1	0	1	1
Марокко	1	1	1	0	1
Алжир	1	1	1	1	0
Йемен	1	0	1	0	1
Ливан	0	1	0	1	0

На этот раз мы снова получаем две пары схожих по переменным конфигураций, однако в обоих случаях они приводят к одинаковому исходу, то есть пересмотр порогового значения способствовал успешному разрешению противоречивой комбинации (Египет/Сирия и Тунис/Ливия соответственно). Следующим шагом становится анализ в соответствии с зависимостью

$$\text{Destab.} = f(\text{Youth, Urb., Unemp., Educ., Men}),$$

где Destab – исход, выражающийся в смене политического режима в стране, Youth – численность молодежи, Urb. – доля городского населения, Unemp. – количество безработных среди молодежи, Educ. – доля людей с высшим образованием и Men – доля неженатых мужчин. Также на этом этапе мы обращаемся к процедуре булевой минимизации с целью сведения таблицы истинности к формуле, раскрывающей причинно-следственную связь применительно к изучаемым случаям. Напомним, что данная процедура произво-

дится дважды – отдельно для положительных и отрицательных конфигураций.

Так, в первом случае мы получаем следующие результаты:

$Destab = \sim Youth * Urb. * Unemp. * Educ. * \sim Men$

или $Youth * \sim Urb. * Unemp. * \sim Educ. * Men$

или $Youth * Urb. * Unemp. * Educ. * Men$.

В соответствии с этими результатами, в 40% всех рассмотренных случаев с положительным исходом к смене политического режима может привести сочетание таких факторов как отсутствие достаточного числа молодых людей вкупе с высоким уровнем урбанизации, безработица среди молодежи, существенная доля людей с высшим образованием и одновременное отсутствие повышенного числа неженатых мужчин в обществе (этому объяснению соответствуют случаи Туниса и Ливии). 20 % всех случаев объясняются следующим сочетанием: наличие повышенного числа молодых людей, отсутствие высокого уровня урбанизации, высокий уровень безработицы, отсутствие повышенного числа людей с высшим образованием, а также наличие повышенного количества неженатых мужчин (Йемен). Оставшиеся 40 % соответствуют повышенного числа молодых людей, высокого уровня урбанизации, безработицы среди молодежи и наличия повышенного числа неженатых мужчин (Египет, Сирия).

Результаты, получившиеся в ходе анализа отрицательных конфигураций:

$Destab = \sim Youth * Urb. * \sim Unemp. * Educ.$

или $Youth * Urb. * Unemp. * Educ. * \sim Men$

или $Youth * Urb. * Unemp. * \sim Educ. * Men$.

Из них мы можем видеть, что к смене политического режима не приводят следующие сочетания факторов: отсутствие повышенного числа молодых людей, высокий уровень урбанизации при отсутствии высокого уровня безработицы среди молодежи и наличии повышенного числа людей с высшим образованием (Бахрейн); наличие повышенного числа молодых людей, высокого уровня урбанизации, безработицы и повышенного числа людей с высшим образованием при одновременном отсутствии повышенного числа неженатых мужчин (Алжир); наличие повышенного числа молодых людей, высокий уровень урбанизации и безработицы при отсут-

ствии повышенного числа людей с высшим образованием и наличии повышенного числа неженатых мужчин (Марокко).

Далее включаем в анализ потенциально возможные конфигурации для того, чтобы иметь возможность выйти на межкейсовые обобщения. Данная процедура также проводится отдельно для положительных и отрицательных комбинаций. Мы имеем 5 переменных и, в соответствии с формулой $|k|=2^n$ получаем 32 потенциально возможных конфигурации ($2^5 = 32$). В первом случае (комбинации с положительным исходом) получаем, что необходимым, но недостаточным условием смены политического режима является наличие повышенного числа неженатых мужчин. При этом достаточным, но не необходимым условием выступает сочетание таких показателей как высокий уровень урбанизации и безработицы среди молодежи.

Что касается отрицательных конфигураций, то в этом случае мы получили результаты, демонстрирующие, что необходимым, но не достаточным фактором сохранения политической стабильности является сочетание отсутствия повышенного числа молодых людей и низкий уровень урбанизации, а к разряду достаточных, но не необходимых условий относится сочетание низкого уровня безработицы среди молодежи и отсутствия повышенного числа неженатых мужчин.

* * *

Описанные выше результаты демонстрируют, что метод качественного сравнительного анализа позволяет более точно оценить дестабилизационный потенциал тех факторов, которые оказываются недостаточно описаны в исследовательской литературе. Так, что касается выбранных для анализа в данном разделе факторов, то удалось выявить важную роль такого показателя как повышенное количество неженатых мужчин в процессах социально-политической дестабилизации и, как следствие, смены политического режима. Неженатые мужчины в этой ситуации оказываются более склонными к экстремистским политическим действиям по сравнению с женатыми мужчинами того же возраста (Marks 2011) (как вследствие угнетенного психологического состояния и сексуальной неудовлетворенности, так и по причине отсутствия ответственности перед семьей и, соответственно, страха выйти на улицу в условиях возможной опасности). В то же время удалось выявить скорее

стабилизирующее влияние таких факторов как высокий уровень урбанизации в сочетании с высоким числом молодых людей.

Культурные факторы социально-политической дестабилизации в ходе событий Арабской весны

Отталкиваясь от представления Л. Уайта, согласно которому культура является не материальной, а представляет собой класс предметов и явлений, имеющих символическое значение, то есть те или иные предметы могут выступать в качестве знаков и текстов, несущих социальную информацию (White 1968), рассмотрим в качестве потенциально дестабилизирующих следующие индикаторы: субъективное ощущение счастья, активное участие женщин в протестных действиях, наличие радикально настроенных футбольных болельщиков в политическом пространстве страны, а также наличие внутриэлитного конфликта.

Так, несмотря на заметные успехи в области экономического и социального развития в 2000-е гг. в Арабском мире, среди населения многих арабских стран отмечалось снижение удовлетворенности уровнем жизни (Arampatzi, Burger 2015). Феномен быстрого экономического роста, совпадающего с периодом снижения уровня субъективного благополучия, получил название парадокса «несчастливого развития», согласно которому люди, живущие в странах с высокими показателями экономического роста, в среднем ощущают себя менее счастливыми, чем те, кто живет в странах с меньшим уровнем экономического роста (Graham, Lora 2009; Deaton 2008). Применительно к Арабскому миру данный парадокс может иметь под собой основание в виде уровня образования, благодаря которому у молодых людей появляется представление о том, что они могут найти более престижную работу по сравнению с поколением их родителей после окончания учебы (Cammatt, Diwan 2013). Увеличивающийся разрыв между фактическим и желаемым уровнем благосостояния, в свою очередь, обостряет негативное отношение населения к проблемам неравенства и социальной несправедливости.

Американский социолог Дж. Дэвис в 1962 г. выдвинул гипотезу, согласно которой период подъема, внушающий людям определенные надежды, резко сменяющийся состоянием упадка, может генерировать революционную ситуацию: «Революции, скорее все-

го, произойдут, когда длительный период объективного экономического и социального развития будет сопровождаться коротким периодом противоположного состояния. Люди тогда субъективно бояться, что позиции, полученные с большим усилием, будут потеряны; это и делает их настроение революционным» (Davies 1962). Таким образом, по его мнению, протесты провоцирует не абсолютная бедность сама по себе, а скорее завышенные требования к уровню жизни, сформировавшиеся в период благополучия и развития.

Механизм аккумуляции протестного потенциала в этом случае был достаточно удачно описан А. П. Назаретяном: «В какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате демографического роста или неудачной войны...), а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут виновных – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки» (Назаретян 2005).

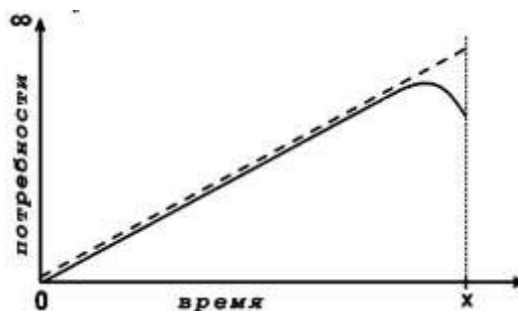

Рис. 2. Кривая Дэвиса

На Рис. 2 показана динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация, согласно концепции Дэвиса. Сплошная линия отражает динамику удовлетворения потребностей (экономических, политических и пр.), а пунктирная соответствует динамике ожиданий. При этом точка X на оси абсцисс отражает момент обострения напряженности, вслед за которым может последовать социальный взрыв, наступление которого обусловлено целым рядом субъективных факторов (Коротаев 2014). Стоит еще раз подчеркнуть, что в

данном случае речь идет не о том, что революции происходят в период устойчивого роста, а о том, что период подъема, внушивший людям определенные надежды, сменяется резким упадком. В случае с Арабской весной мы можем говорить о последствиях мирового экономического кризиса 2008 г., который во многих странах пришел на смену периоду подъема, в результате чего реальное материальное положение населения вступило в противоречие с их ожиданиями (Шульц).

Одним из условий перехода социального протеста из латентного состояния в активную фазу можно считать готовность протестующих пренебречь риском, которому они могут себя подвергнуть, а также высокая оценка ими вероятности приобретения желаемого в случае достижения смены политического режима. Американский социолог Т. Гарр в книге «Почему люди бунтуют» (Gurr 1970) рассматривает «гражданскую борьбу» – противостояния и столкновения достаточно больших социальных или этнических групп, составляющих единое общество. Внутрисоциальные конфликты Гарр считает наиболее разрушительными, и главной опасностью внутренних войн, в отличие от внешних, является то, что они раскалывают общество, лишают его целостности. Такого рода конфликты, согласно Гарру, возникали волнообразно: первая волна такого рода относится к концу XIX – началу XX вв., вторая была спровоцирована Русской революцией и Гражданской войной, а третья связана с послевоенным периодом. Очевидно, что революционная волна Арабской весны достаточно логично вписывается в описанную последовательность и может быть рассмотрена с применением данной концепции.

Одной из ключевых идей теории Гарра является то, что ожидания, провоцируемые процессами модернизации, оказываются неудовлетворенными, что заставляет людей выходить на улицы (Gurr 1974). Для объяснения и предсказания политического насилия социолог использует общую *концепцию относительной депривации*. Относительную депривацию он определяет как: «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными экспектациями и ценностными возможностями». Однако особое внимание в данном случае стоит уделить прилагательному «относительная», которое означает, что это состояние не абсолютно и возникает в результате сравнения себя с другими, то есть различные социальные группы могут по-разному воспринимать практически одинаковые жизненные обстоятельства (Gurr 1970). Относительная депривация связана

с разрывом между потребностями в том или ином благе, с одной стороны, и условиями, на которые людям приходится рассчитывать, с другой, и неизбежно приводит к фрустрации, которая в конечном счете может вылиться в политическое насилие.

Авторы отчета Международной ассоциации исследований дохода и благосостояния (Arampatzi, Burger 2015), отталкиваясь от определения счастья как субъективного благополучия или степени, в которой человек оценивает общее качество своей жизни как благоприятное, данного Р. Винховеном (Veenhoven 1984), выделяют факторы неудовлетворения уровнем жизни среди населения стран, столкнувшихся с протестами Арабской весны. Так, по мнению авторов отчета, ими стали следующие: неудовлетворение постоянной безработицей и отсутствием хороших рабочих мест, недовольство коррупцией и кумовством, ограничение свобод в авторитарных государствах⁷. На основе этих предположений и данных многочисленных опросов в указанном отчете анализируется восприятие населением арабских стран собственного уровня жизни. При этом отмечается, что восприятие счастья зависит как от объективных условий, так и от субъективных факторов. Если к первым относятся пол, возраст, семейное положение и уровень образования, то вторые связаны с ожиданиями относительно семейных отношений, работы, общественных институтов и т. д. Таким образом, авторы приходят к выводу, что восстаниям Арабской весны предшествовало снижение удовлетворенности жизни и ощущения счастья, несмотря на прогресс в экономическом развитии в последние несколько десятилетий, а также отмечают, что в ходе анализа стоит учитывать не только объективные условия, но и субъективное осознание недостатков в рамках этих условий.

⁷ В этом случае стоит особо подчеркнуть, что речь идет о субъективном восприятии населением каждого из указанных факторов. Так, в начале статьи было отмечено, что по уровню безработицы или коррупции некоторых из арабских стран были на одном уровне со странами Евросоюза и США. Кроме того, в отношении безработицы в Египте наблюдалась следующая тенденция: после реформ 2004 г. она снижалась, впоследствии она немного выросла в период экономического кризиса, а после него снова стала снижаться. Но при этом уровень безработицы оставался высоким среди молодежи, численность которой продолжала расти. Что касается ограничения свобод, то в этом случае пример Египта также весьма показателен, так как в начале антиправительственных выступлений уровень свободы оценивался демонстрантами в сравнении с Западными странами, впоследствии же сами участники протестов в ходе интервью признавали, что в период президентства Мубарака ограничения были значительно слабее, чем после свержения его режима.

Это предположение оказывается весьма актуальным для целей данного исследования, так как мы обращаемся в большей степени именно к субъективным факторам, отражающим ожидания населения и видение им тех или иных проблем. Согласно данным всемирного научно-исследовательского проекта “Всемирный обзор ценностей”, исследующего ценности и убеждения людей и их изменения с течением времени, мы можем видеть, что по результатам опросов к моменту начала антиправительственных выступлений 2011 г. наибольшее число респондентов, отвечавших, что они чувствуют себя не очень счастливыми или совсем несчастливыми, проживало в таких странах как Египет, Йемен, Бахрейне и Ливане. При этом наименьшее количество таких ответов фиксируется в Ливии, Алжире, Марокко и Тунисе.

Обратимся к Всемирной базе данных счастья для того, чтобы продемонстрировать уровень субъективного восприятия счастья в рассматриваемых странах. База данных строится на опросах, в соответствии с которыми уровень счастья ранжируется в диапазоне от 1 до 4 либо от 1 до 10. В данной статье был использован последний вариант, так как именно в рамках него в базе данных были представлены материалы по всем интересующим нас странам в период, предшествующий началу антиправительственных выступлений – в 2010 г. Так, нами была получена следующая информация (Табл. 9):

Табл. 9. Уровень субъективного ощущения счастья в некоторых арабских странах

Страна	Субъективное ощущение счастья
Тунис	5,13
Египет	4,66
Ливия	4,92
Сирия	4,46
Бахрейн	6,1
Марокко	4,66
Алжир	5,34
Йемен	4,35
Ливан	5,03

Источник: Veenhoven 2010 (Субъективное ощущение счастья)

Итак, перед нами встает задача операционализации отсутствия субъективного ощущения счастья в арабских странах в период перед началом антиправительственных выступлений Арабской весны и, соответственно, относительной депривации по теории Т. Гарра. Для этих целей мы сочли возможным обратиться к приведенному выше показателю субъективного ощущения счастья. Но так как нами не было обнаружено исследований, в которых этот фактор рассматривался бы как способ операционализации относительной депривации, нам необходимо протестировать эту гипотезу. Для этого обращаемся к методу корреляционного анализа, в результате которого получаем среднюю по силе статистически значимую корреляцию между уровнем субъективного ощущения счастья и коэффициентами индекса социально-политической дестабилизации⁸:

		Нapp2010
Destab	Pearson Correlation	-,438*
	Sig. (1-tailed)	,035
	N	18

Данный анализ применялся по отношению к Арабскому миру в целом, то есть двадцати двум странам – членам Лиги арабских государств. Этот результат позволяет нам сделать вывод о том, что операционализация относительной депривации по теории Т. Гарра возможна на примере такого фактора как субъективное ощущение счастья. В дальнейшем для процедуры качественного сравнительного анализа нами будут использованы главным образом приведенные выше данные Всемирной базы данных счастья Винховена.

Отличительной чертой антиправительственных выступлений Арабской весны стало также достаточно активное (по сравнению с предыдущими периодами) участие женщин в протестных движениях. Участие женщин в демонстрациях может служить ярким примером включения в протестную активность, основывающимся на растущем уровне национальной идентификации: люди выступали не только в защиту своих собственных интересов, но готовы были

⁸ Коэффициенты индекса социально-политической дестабилизации были рассчитаны по данным исследования А. В. Коротаева и др.: Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Malkov S. Y. 2013.

взять на себя ответственность за социально уязвимые слои общества.

Французский социолог М. Дюверже еще в 1955 г. писал о том, что реальные политические перемены станут возможны только тогда, когда обществу удастся изменить господствующий политический дискурс и разрушить глубоко укорененную веру в естественную неполноценность женщин (Duverger 1955). Спустя почти пятьдесят лет политологи Р. Инглхарт и П. Норрис обнаружили, что гендерный разрыв существует почти во всех обществах и на всех уровнях политического участия, при этом женщины менее активны по сравнению с мужчинами как в традиционных формах активности (дискуссии, голосование, членство в партиях и пр.), так и в нетрадиционных (протесты, демонстрации и бойкоты). Этот разрыв может объясняться различными факторами – структурными, религиозными, культурными, а также традиционными, однако при изучении протестной активности авторы пришли к выводу, что в пост-индустриальных обществах такого рода разрыв значительно сокращается в том случае, когда стираются социальные различия по таким показателям как образование или религиозность. Кроме того, Инглхарт и Норрис отмечают, что гендерный разрыв в политическом участии снижается, когда речь идет о протестной активности – более, чем в других формах политического участия, а также то, что модернизация общества, секуляризация и смена поколений помогают ликвидировать гендерные расхождения в политической сфере (Inglehart, Norris 2003).

Новые информационные технологии и, в частности, социальные медиа позволили женщинам участвовать в демонстрациях Арабской весны в качестве организаторов, активисток и журналисток. Ввиду того, что мужчины рассматриваемого региона, как правило, доминируют в пространстве традиционных медиа, кибер-активизм позволил женщинам заявить о себе как внутри конкретной страны, так и в международном масштабе. Социальные медиа стали для них инструментом участия в революционных действиях, стирая различия между социальными и политическими сетями. Таким образом, участие женщин в протестах Арабской весны не ограничилось непосредственным выходом на демонстрации, они включились в процессы подготовки протестных действий и про-

странство киберактивизма. Интернет-площадки стали локусами аккумуляции народного недовольства, особенно вдохновленные женскими образами. Можно привести множество примеров виртуальных сообществ, созданных и успешно развиваемых женщинами в каждой из стран, поэтому упомянем здесь лишь один из самых популярных блогов египетской Интернет-активистки Навары Негм (Negm 2013), содержащий не только призывы выходить на улицы и вести «репортажи» с мест событий, но и мотивирующие сообщения об успехах «Жасминовой революции», эффект которой ощутили на себе многие страны региона.

Тем не менее, несмотря на то, что женское участие стало довольно важной частью реализации протестного потенциала, оно до сих пор не исследовано в достаточной степени, так как зачастую его воспринимают как часть феминистского движения (Khamis 2011). В то же время, участие арабских женщин в протестах практически не связано с феминистскими движениями и даже феминистской мыслью, что, в свою очередь, сыграло важную роль в своего рода уравнивании разнополюх участников протестных акций, которые в этом случае были объединены общими целями революционной волны. Таким образом, мы можем констатировать, что этот феномен коренится в большей степени не в достижении гендерного равенства (среди лозунгов Арабской весны на площадях и в виртуальном пространстве не наблюдалось сугубо «женских» требований, все они были направлены либо на решение абстрактных социальных проблем, либо, впоследствии, преследовали политические цели в виде свержения действующего режима), а в стремлении к политическому участию. М. Гласиус и Дж. Плейерс пишут об этом так: «Это одновременное требование и практика глубинной демократии участия выходит далеко за рамки традиционные требования гражданских и политических прав, связанных с либеральной демократией» (Glasius, Pleyers 2013). Вполне вероятно, что одной из причин, выдвинувших арабских женщин на политическую арену в период протестов Арабской весны стал довольно высокий уровень образования в анализируемых странах, а также приобщение значительных масс населения к новейшим техническим достижениям в информационной сфере, позволившим женщинам участвовать в протестных действиях не только напрямую,

«на улицах» (что, учитывая специфику арабских стран, в некоторых случаях представляет серьезные трудности по причине безопасности), но и в относительно «защищенном» виртуальном пространстве. Довольно высокий уровень образования среди городской молодежи, в том числе и девушек, также вполне вероятно способствовал преодолению ограничений, накладываемых исламской традицией на активное вовлечение женщин в трудовую деятельность и общественную жизнь (Burton, Reitz 1981), так как некоторые исследователи, в частности М. Хоффман и А. Джамаль отмечают, что поколение Арабской весны отличается меньшей религиозностью по сравнению с другими когортами (Hoffman, Jamal 2011).

С разочарованием от наличествующей ситуации, по всей видимости, связано восприятие теми или иными группами населения политической обстановки в той или иной стране. События Арабской весны показали, что наличие конфликта внутри политической элиты⁹ в некоторых случаях может служить одним из наиболее дестабилизирующих факторов.

Еще одной заметной чертой выступлений Арабской весны стала роль, которую в них сыграли радикально настроенные футбольные фанаты. А. Махфуд утверждает, что футбол очень важен для Арабского мира, объединяя под своим знаменем индивидов, классы и нации. Он используется лидерами и правительствами в качестве политического инструмента, в том числе для подавления оппозиции (Mahfoud 2011).

На основе различных статистических данных, исследовательской литературы и отчетов международных организаций нам удалось собрать эмпирические данные по рассмотренным выше показателям социально-политической дестабилизации в странах Арабской весны. Стоит отметить, что в данном разделе все выбранные для анализа факторы, кроме отсутствия субъективного ощущения счастья, представлены в качественном выражении, поэтому мы сразу переходим к работе с дихотомизированной таблицей данных, которая приобрела следующий вид (Табл. 10).

⁹ В данном случае стоит отметить, что под наличием внутриэлитного конфликта в той или иной стране в большей степени подразумевается его *выраженность*, то есть степень проявленности в ходе разворачивания протестных сценариев.

Табл. 10. Дихотомизированная таблица данных культурных факторов Арабской весны

Страна	Отсутствие субъективного ощущения счастья	Участие женщин в протестных действиях	Наличие футбольных болельщиков в политическом пространстве	Наличие внутриэлитного конфликта
Тунис	0	1	1	1
Египет	1	1	1	1
Ливия	1	1	1	1
Сирия	1	0	0	0
Бахрейн	0	1	0	0
Марокко	1	0	1	0
Алжир	0	0	1	0
Йемен	1	1	0	1
Ливан	0	1	0	1

Источники: Veenhoven 2010; Arampatzi, Burger 2015; World Values Survey, 2015; World Happiness Report 2012; Hedengren 2013; Happiness Index 2015 (Отсутствие субъективного ощущения счастья); Arab Social Media report 2011; Retta 2013; Radsch 2012; The World Bank 2013; Mogahed 2012; Lengel; Stephan 2013 (Участие женщин в протестных действиях); Dorsey 2011; Mahfoud 2011; Pollock 2011 (Наличие футбольных болельщиков в политическом пространстве); Korotayev, Issaev., Shishkina, Malkov 2013; Исаев, Шишкина 2012; Исаев 2011 (Наличие внутриэлитного конфликта).

Такой показатель как *отсутствие субъективного ощущение счастья* был закодирован в первую очередь на основе статистических материалов Всемирной базы данных счастья Винховена, а также на материале исследований института Гэллапа, Всемирного индекса благополучия стран, Всемирного обзора ценностей, а также ряда аналитических материалов. В результате мы можем видеть, что все исследуемые страны, за исключением Бахрейна и Ливана, демонстрируют отсутствие субъективного ощущения процветания среди своего населения. Так, в качестве порогового значения по данным Винховена было выбрано значение 5, в соответствии с которым каждой из стран было присвоено значение [1] или [0].

Как мы могли видеть из половозрастных пирамид Арабской весны, существенно численной разницы в гендерной структуре арабских обществ к началу Арабской весны практически не

наблюдалось. Кроме того, нет статистических данных по количеству женщин-участниц протестных движений, которые могли бы использоваться для дальнейшего анализа. Соответственно, оценивать фактор роль женщин в протестных действиях нам предстоит на основе аналитических материалов института Гэллапа, отчетов Арабской медиа группы, базирующейся в ОАЭ, а также исследовательской литературы по соответствующей тематике. В соответствии с указанными в таблице источниками нами были закодированы страны по показателю участия женщин в протестных движениях как непосредственно в демонстрациях и акциях протеста, так и в области их подготовки в виртуальном пространстве.

Показатель наличия футбольных болельщиков в политическом пространстве той или иной страны был оценен применительно к каждому из рассматриваемых случаев в первую очередь на основе исследований М. Дорси, работы которого по этой тематике формируют широкое представление о роли болельщиков в исторических и политических процессах ближневосточных государств. Кроме того, был использован ряд других информационных источников, в результате чего были проставлены значения [0] или [1] для рассматриваемых стран. Стоит отметить, что в данном случае обозначилось своего рода разделение стран Ближнего Востока и Северной Африки – фактор наличия футбольных болельщиков оказался более выраженным именно в последнем регионе.

Наличие внутриэлитного конфликта было рассмотрено и закодировано на основе ряда исследований российских ученых, посвященных процессам социально-политической дестабилизации в арабских странах в ходе событий Арабской весны и факторам, сыгравшим в этих процессах наиболее важную роль. Так, в соответствии с результатами этих исследований, внутриэлитный конфликт оказался наиболее выраженным в таких странах как Тунис, Египет, Ливия, Йемен и Ливан.

В ходе процедуры качественного сравнительного анализа были получены несколько конфигураций, среди которых обнаружилось две схожие комбинации, приводящие к положительному исходу (смене политического режима в стране). Таким образом, на этом этапе мы можем констатировать отсутствие противоречивых конфигураций и переходить к процедурам отдельного анализа поло-

жительных и отрицательных конфигураций с помощью булевой минимизации.

Проводим анализ в соответствии с зависимостью

$$\text{Destab.} = f(\text{Happ.}, \text{Wom.}, \text{Soc.}, \text{Confl.}),$$

где Destab – исход, выражающийся в смене политического режима в стране, Happ. – отсутствие субъективного ощущения счастья, Wom. – участие женщин в протестных движениях, Soc. – наличие повышенного числа футбольных болельщиков в политическом поле страны, и Confl. – наличие внутриэлитного конфликта.

В первом случае (для положительных конфигураций) мы получили следующие результаты:

$$\text{Destab} = \text{Confl.} * \text{Soc.} * \text{Wom.}$$

$$\text{или } \text{Confl.} * \text{Wom.} * \text{Happ.}$$

$$\text{или } \sim \text{Confl.} * \sim \text{Soc.} * \sim \text{Wom} * \text{Happ.}$$

Как видно из полученных результатов, для положительных комбинаций, к смене политического режима может *привести* сочетание таких факторов, как наличие внутриэлитного конфликта, наличие повышенного числа футбольных болельщиков в политическом поле и активное участие женщин в протестных движениях (этому объяснению соответствуют случаи Туниса, Египта и Ливии); наличие внутриэлитного конфликта, активное участие женщин в протестных движениях и отсутствие субъективного ощущения счастья (под это объяснение попадают случаи Египта, Ливии и Йемена), а также сочетание отсутствия внутриэлитного конфликта, отсутствия повышенного числа футбольных болельщиков в политическом пространстве, отсутствия активного участия женщин в протестных движениях при отсутствии субъективного ощущения счастья (Сирия).

Далее проводим ту же процедуру для отрицательных конфигураций, получив следующие результаты:

$$\text{Destab} = \sim \text{Happ.} * \text{Wom.} * \sim \text{Soc.}$$

$$\text{или } \sim \text{Wom.} * \text{Soc.} * \sim \text{Confl.}$$

В соответствии с которыми к смене политического режима *не приводят* сочетание таких факторов как субъективное ощущение счастья, активное участие женщин в протестных движениях при отсутствии повышенного числа футбольных болельщиков в политическом поле (данному объяснению соответствуют случаи Бахрейна и Ливана); отсутствие активного участия женщин в протестных движениях при отсутствии субъективного ощущения счастья.

стах при наличии повышенного числа футбольных болельщиков в политическом поле и отсутствии внутриэлитного конфликта (под это объяснение попадают случаи Марокко и Алжира).

Далее снова обратимся к функции QCA, позволяющей включить в анализ потенциально возможные конфигурации, не встречающиеся в имеющейся базе случаев с целью сокращения полученных формул и выхода на межкейсовые случаи. Мы имеем 4 переменных и, в соответствии с формулой $|k| = 2^n$ получаем 16 потенциально возможных конфигураций ($2^4 = 16$). При этом только 8 конфигураций соответствуют наблюдаемым случаям, остальные же относятся к множеству потенциально возможных сочетаний. Исключив из их числа заведомо нерезультативные варианты и закодировав соответствующим образом исход для каждой из конфигураций, проводим минимизацию сперва для положительных конфигураций, а затем – для отрицательных.

В первом случае (положительный исход) получаем результат, в соответствии с которым необходимым, но не достаточным условием смены политического режима является сочетание таких факторов как отсутствие субъективного ощущения счастья и активное участие женщин в протестных движениях. При этом наличие внутриэлитного конфликта было определено как достаточное, но не необходимое условие смены политического режима.

Что касается отрицательных конфигураций, то результат минимизации в этом случае показал, что отсутствие внутриэлитного конфликта является необходимым, но недостаточным условием сохранения политической стабильности, в то время как достаточным, но не необходимым является сочетание субъективного ощущения счастья и отсутствие повышенного числа футбольных болельщиков в политическом пространстве страны. При этом было обнаружено, что такой фактор, как активное участие женщин в протестных движениях также не играет в этом случае решающей роли, его важность проявляется только в том случае, когда мы говорим о дестабилизации политического режима.

* * *

Полученные результаты дают нам основания заключить, что из выбранных нами факторов три – отсутствие субъективного ощущения счастья, активное участие женщин в протестных движениях и наличие внутриэлитного конфликта – способны играть важную

роль в процессах возникновения социально-политической дестабилизации и, как следствие, приводить к смене политического режима в той или иной стране. В то же время такие факторы, как наличие повышенного числа футбольных болельщиков в политическом поле государства и активное участие женщин в протестных движениях способны катализировать протестные настроения и сыграть заметную роль в развитии процессов дестабилизации, однако только в том случае, если революционный механизм уже был запущен – результаты качественного сравнительного анализа показали, что эти факторы в состоянии покоя не приводят к смене политического режима.

Факторы смены политического режима и факторы сохранения социально-политической стабильности

Проведенный нами в предыдущих разделах статьи анализ потенциально дестабилизирующих факторов показал, что среди коммуникационных, поколенческих и культурных факторов наиболее важную роль сыграли, соответственно, следующие:

коммуникационные факторы: достаточное количество мечетей, достаточное количество пользователей сети Twitter и наличие Интернет-цензуры, достаточное количество пользователей сети Интернет;

поколенческие факторы: наличие повышенного числа неженатых мужчин, высокий уровень урбанизации и высокий уровень безработицы среди молодежи, наличие достаточного числа молодых людей;

культурные факторы: отсутствие субъективного ощущения счастья, активное участие женщин в протестных движениях, наличие футбольных болельщиков в политическом пространстве, и наличие внутриэлитного конфликта.

Выше были приведены факторы, отобранные по результатам процедуры QCA как для положительных, так и для отрицательных конфигураций. Факторы были отобраны в рамках каждого из анализируемых сегментов – коммуникационного, поколенческого и культурного.

Основной же целью исследования является определение комбинаций на межкейсовом уровне, позволяющее делать обобщения

относительно вероятности наступления политической дестабилизации. Для этого проводим финальный этап процедуры QCA сначала для положительных комбинаций, используя данные из дихотомизированных таблиц, приведенных в предыдущих разделах, а затем для случаев с отрицательным исходом.

Так, дихотомизированная таблица данных для положительных конфигураций выглядит в нашем случае следующим образом:

Табл. 11. Дихотомизированная таблица данных для положительных конфигураций

Страна	Наличие достаточного числа мечетей	Наличие достаточного числа пользователей сети Twitter	Наличие Интернет-цензуры	Доля неженатых мужчин	Уровень урбанизации	Уровень безработицы среди молодежи	Отсутствие субъективного ощущения счастья	Участие женщин в протестных движениях	Наличие внутривнутриполитического конфликта
Тунис	1	1	1	0	1	1	0	1	1
Египет	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Ливия	1	1	1	0	1	1	1	1	1
Сирия	1	1	1	1	1	1	1	0	0
Бахрейн	0	1	1	1	1	0	0	1	0
Марокко	1	1	0	1	1	1	1	0	0
Алжир	1	0	0	0	1	1	0	0	0
Йемен	1	0	1	1	0	1	1	1	1
Ливан	0	1	0	0	1	0	0	1	1

В ходе работы с таблицей истинности в этом случае у нас не обнаружилось контрадикторных конфигураций, поэтому мы можем сразу приступить к дальнейшим процедурам качественного сравнительного анализа. Проводим анализ для положительных конфигураций, в результате которого получаем, что наибольшим дестабилизационным потенциалом с высокой вероятностью смены политического режима обладает следующее сочетание факторов: наличие внутривнутриполитического конфликта, повышенное число мечетей, высокий уровень безработицы среди молодежи и Интернет-цензуры, а также активное участие женщин в протестных действиях.

Далее переходим к рассмотрению отрицательных конфигураций. В этом случае дихотомизированная таблица данных представлена в несколько ином виде – здесь отсутствует показатель активного участия женщин в протестных движениях (так как в ходе предварительного отбора он не продемонстрировал существенного значения в сохранении социально-политической стабильности), а также добавлен фактор повышенного числа Интернет-пользователей (Табл. 12).

Табл. 12. Дихотомизированная таблица данных для отрицательных конфигураций

Страна	Наличие достаточного числа мечетей	Наличие достаточного числа пользователей сети Twitter	Наличие Интернет-цензуры	Доля неженатых мужчин	Уровень урбанизации	Уровень безработицы среди молодежи	Отсутствие субъективного ощущения счастья	Число Интернет-пользователей	Наличие внутрисекторного конфликта
Тунис	1	1	1	0	1	1	0	1	1
Египет	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Ливия	1	1	1	0	1	1	1	0	1
Сирия	1	1	1	1	1	1	1	1	0
Бахрейн	0	1	1	1	1	0	0	1	0
Марокко	1	1	0	1	1	1	1	1	0
Алжир	1	0	0	0	1	1	0	0	0
Йемен	1	0	1	1	0	1	1	0	1
Ливан	0	1	0	0	1	0	0	1	1

В этом случае также не было зафиксировано возникновения противоречивых конфигураций в ходе построения таблицы истинности, а процедура качественного сравнительного анализа позволила заключить, что к социально-политической дестабилизации и, соответственно, смене политического режима, не приводит сочетание таких факторов как высокий уровень урбанизации, субъективное ощущение счастья, а также повышенное число Интернет-пользователей.

Подобные результаты выглядят вполне обоснованными, так как отражают конфликтогенный потенциал каждой из рассматриваемых групп факторов, выявляя сочетания, наиболее вероятно приводящие к смене политического режима и способствующие сохранению стабильности на межкэйсовом уровне. Так, в очередной раз нашло свое подтверждение предположение о том, что распространение Интернет-технологий само по себе не является причиной и триггером протестных действий и, напротив, в сочетании с высоким уровнем урбанизации и субъективным ощущением счастья среди населения рассматриваемых стран способствует сохранению социально-политической стабильности. Связанные же с Интернет-пространством ограничения со стороны власти в виде цензурирования виртуального пространства, в сочетании с высоким уровнем безработицы, высоким коммуникационным потенциалом мечетей как мест скопления значительного числа людей, а также вовлечением женщин в протестные действия, продемонстрировали вероятность возникновения нестабильности.

Библиография

- Берг И.С. 2011.** «Арабская весна» в бахрейнском формате: мнения экспертов и немецких СМИ. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/08-06-11.html>.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация мира. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Отв. ред. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С.. М.: ЛКИ. С. 207–208.
- Игнатенко А. А. 2011.** Закат политического ислама. *Институт религии и политики*. URL: <http://i-r-p.ru/>.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012.** Египетская смута XXI в. М.: Либроком. С. 62.
- Исаев Л. М. 2011.** Демократическая зима в Северной Африке. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре* 3(77): 176–188.
- Исаев Л. М. 2012.** Племенная революция по-йеменски. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре* 4: 178–187.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012.** Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: Либроком.

- Коротаев А. В. и др. 2012.** Системный мониторинг глобальный и региональных рисков: Арабская весна 2011 / Отв. ред. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. М.: Либроком.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013.** Факторы Арабской весны 2011 г. *Системный мониторинг глобальный и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: Ленанд.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. и др. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Отв. Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ. С. 28–76.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. и др. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Отв. Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ. С. 32–33.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В. 2014.** Кривая Дэйвиса на Украине? *Полит.Руб.* 09.04.2014. URL: <http://polit.ru/article/2014/04/09/ukraine/>.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: ЛЕНАНД. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. и др. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 57.

- Макарычев М. 2011.** Проблема в неравенстве. *Российская газета*. 18.05.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/18/dubai-site.html>. Цит. По:
- Шишкина А. Р. 2014.** Инструменты протестной активности в арабских странах: традиционные СМИ vs новые медиа. В кн.: *Арабский кризис и его международные последствия* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: УРСС, Гл. 3. С. 37.
- Назаретян А. П. 2005.** Универсальная история и синдром Предкризисного человека. *История и синергетика: методология исследования* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. С. 141–166.
- Хиггс П., Джиллеард К., Джонс Я. Р. 2014.** Эгоистичное поколение: исследование концепции. *Социология Власти* 3:10–30.
- Цирель С. В. 2012.** Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ/URSS. С. 162–171.
- Черных А. И. 2007.** Мир современных медиа. М.: Территория будущего. С. 162–163.
- Шишкина А. Р., Исаев Л. М. 2014.** Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности. М.: УРСС.
- Шульц Э. 2015.** Управление социальным протестом как технология и содержание «Арабской весны». *Международные процессы* 13(1): 90.
- A Prolonged State of Agony in Algeria. 2012.** *Haaretz*. 08.06.2012. URL: <http://www.haaretz.com/opinion/a-prolonged-state-of-agony-in-algeria-1.435146>.
- Al-Jazeera TV Viewers Demographics. 2013.** *Al-Jazeera*. URL: http://www.aljazeera.com/aljazeera/al_jazeera_viewers_demographics.html.
- Arab Social Media report. 2011.** *Dubai School of Government*. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/dsg/unpan044212.pdf>.
- Arampatzi E., Burger M. et al. 2015.** Unhappy Development: Dissatisfaction with the Life in the Wake of the Arab Spring. *International Association for Research in Income and Wealth*. URL: <http://iariw.org/egypt2015/unhappydevelopment.pdf>.
- Beckett F. 2010.** What Did the Baby Boomers Ever Do For Us? London: Biteback Publishing.
- Beinin J. 2010.** Egypt's Workers Rise Up. *The Nation* 17.02.2011. URL: <http://www.thenation.com/article/158680/egypts-workers-rise#>.
- Bennett W. L., Segerberg A. 2012.** The logic of connective action. *Information, Communication & Society* 15(5): 1–30.
- Burton M. L., Reitz P. 1981.** The plow, female contribution to agricultural substances, and polygyny. *Behavior Science Research* 16: 298–300.

- Cammett M. C., Diwan I. 2013.** *The Political Economy of the Arab Uprisings*. Perseus Books Group.
- Central Intelligence Agency. 2011.** The World Factbook. *Country Comparison: unemployment rate*. Washington, DC: CIA, URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>.
- Chesnais J. C. 1992.** *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.
- Davies J. 1962.** Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*. P. 5.
- Deaton A. 2008.** Income, health and well-being around the world: evidence from the Gallup World Poll. *Journal of Economic Perspectives* 22: 53–72.
- Diamond L. J. 2012.** *Liberation Technology: Social Media and the Struggle for Democracy*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Dorsey J. M. 2011.** Football Pitches: A Battleground for North Africa's Future. *The Turbulent World of Middle East Soccer*. URL: mideastsoccer.blogspot.sg/2011/03/football-pitches-battleground-for-north.html.
- Dorsey J. M. 2012.** Pitched Battles: The Role of Ultra Soccer Fans in the Arab Spring. *Mobilization: An International Journal* 17(4): 411–418.
- Duverger M. 1955.** *The Political Role of Women*. Paris: UNESCO. P. 130.
- Freedom on the Net 2011.** *Freedom House*. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2011>.
- Glasius M., Pleyers G. 2013.** The Global Movement of 2011: Democracy, Social Justice, and Dignity. *Development and Change Forum* 44: 554.
- Goldstone J. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1).
- Graham C., Lora E. 2009.** Happiness and health satisfaction across countries. *Paradox and Perception: Measuring Quality of Life in Latin America* / Eds. by C. Graham, E. Lora. Washington DC: Brookings Institution Press.
- Gurr T. 1970.** *Why Men Rebel?* Princeton University Press.
- Gurr T. 1974.** Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science Review* 68: 148–504.
- Happiness Index: Why are Arab Countries Ranked Low? 2015.** *The Regional Center for Strategic Studies*. Cairo. URL: <http://www.rcssmideast.org/en/Article/229/Happiness-Index-Why-are-Arab-countries-ranked-low->
- Hedengren D. 2013.** Huge gaps in “happiness” between Middle East Countries. *Your Middle East*. URL: http://www.yourmiddleeast.com/features/huge-gaps-in-happiness-between-middle-east-countries_12377.

- Hoffman M., Jamal A. 2011.** The Youth and the Arab Spring: Cohort Differences and Similarities. *Brill*. URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/187633712x632399>.
- Howard P. N., Parks M. R. 2012.** Social media and political change: Capacity, constraint, and consequence. *Journal of Communication* 62: 359–362.
- Inglehart R., Norris P. 2003.** Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. New York: Cambridge University Press. Pp. 123–126.
- Internet Enemies. 2012.** *Reporters Without Borders*. 12.03.2012.
- Internet Filtering in the Middle East and North Africa. 2009.** *OpenNetInitiative*. URL: https://opennet.net/sites/opennet.net/files/ONI_MENA_2009.pdf.
- Internet Usage in the Middle East. 2015.** *Internet World Stats*. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats5.htm>.
- Karolak M. 2011.** Civil Society and Web 2.0 Technology: a Study of Social Media in the Kingdom of Bahrain. *Arab Media & Society* 14. URL: <http://www.arabmediasociety.com/?article=773>.
- Khamis S. 2011.** The Arab “Feminist” Spring? *Feminist Histories and Institutional Practices* 37(3): 692–695.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Malkov S. Y. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4).
- LaGraffe D. 2012.** The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security and the Arab Spring. *Journal of Strategic Security* 5(2): 63–80.
- Lengel L. 2012.** Arab Women, Social Media, and the Arab Spring: Applying the framework of digital reflexivity to analyze gender and online activism *Journal of International Women’s Studies* 13(5): 31–45.
- Mahfoud A. 2011.** Sport, Politics and Society in the Arab World. New York: Palgrave Macmillan.
- Malthus T. 1978.** Population: The First Essay. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Marks M. 2011.** The Hazard Posed by and Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt. Master Thesis of Stanford University.
- Mirkin B. 2013.** Arab Spring: Demographics in a region in transition. *United Nations Development Programme*. URL: <http://www.arab-hdr.org/publications/other/ahdrps/AHDR%20ENG%20Arab%20Spring%20Mirkinv3.pdf>.

- Mogahed D. 2012.** Arab Women and Men See Eye to Eye on Religion's Role in Law. *Gallup*. URL: <http://www.gallup.com/poll/155324/arab-women-men-eye-eye-religion-role-law.aspx>.
- Moore J. 2011.** Did Twitter, Facebook Really Build a Revolution? *Christian Science Monitor*. 30.06.2011. URL: http://www.nbcnews.com/id/43596216/ns/technology_and_science-christian_science_monitor/t/did-twitter-facebook-really-build-revolution/.
- Marks M. 2011.** Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt. *The Stanford Journal on Muslim Affairs* 2(1): 22–29.
- Negm N. 2013.** Tahyees Front Blog. URL: http://tahyees.blogspot.com/2011_01_01_archive.html.
- Opening Doors: Gender Equality and Development in the Middle East and North Africa. 2013.** *The World Bank*. Washington D. C.
- Pilcher J. 1994.** Mannheim's Sociology of Generations: An Undervalued Legacy. *British Journal of Sociology* 45(3): 481–495.
- Pollock J. 2011.** Streetbook: How Egyptian and Tunisian Youth Hacked the Arab Spring. *Technology Review* 14(5): 70–82.
- Puschmann P., Matthijs K. 2012.** The Janus Face of the Demographic Transition in the Arab World. *The Decisive Role of Nuptiality*. Leuven.
- Radsch C. 2012.** Women, Cyberactivism, & the Arab Spring. *Muftah*. URL: <http://muftah.org/women-cyberactivism-the-arab-spring/>.
- Raggi A. 2011.** Demographics of Arab Protests. Interview with Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/egypt/demographics-arab-protests/p24096>.
- Retta J. 2013.** Consequences of the Arab Spring for Women's Political Participation. *Journal of Women and Human Rights in the Middle East* 1: 20–30.
- Said E. 1994.** *Orientalism*. New York: Vintage.
- Samad A. 2007.** Civil Society in the Arab Region: Its Necessary Role and the Obstacles to Fulfillment. *International Journal of Not-for-Profit Law* 9(2).
- Samsung, iPhone, Nokia and the Next Arab Spring. 2012.** *Middle East Voices*. 18.05.2012. URL: <http://middleeastvoices.voanews.com/2012/05/samsung-iphone-nokia-and-the-next-arab-spring-46703/>.
- Stephan R. 2013.** Cyberfeminism and its Political Implications for Women in the Arab World. *E-International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2013/08/28/cyberfeminism-and-its-political-implications-for-women-in-the-arab-world/>.
- Swigger N. 2013.** The online citizen: Is social media changing citizens' beliefs about democratic values? *Political Behavior* 35(3): 589–603.

- Szajkowski B. 2011.** Social Media Tools and the Arab Revolts. *Alternative Politics* 3(3): 420–432.
- The Digital Islamic Services Landscape. 2014.** Uncovering the Digital Islamic Services Opportunity for the Middle East and the World. *Deloitte*. URL: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/xs/Documents/financial-services/me_Islamic-Digital-Services.pdf.
- Transparency International. 2012.** Corruption Perceptions Index 2010. Berlin: Retrieved on the 10th of December. URL: <http://www.transparency.org>.
- Twenge J. M., Campbells S. M. 2009.** Generational Differences in psychological traits and their impact on the workplace. *Journal of Managerial Psychology* 23(8): 864.
- Twitter Usage in the MENA Region. 2011.** *Arab Social Media Report*. URL: <http://interactiveme.com/2011/06/twitter-usage-in-the-mena-middle-east/>.
- UN Population Division Database (United Nations). 2011.** *Department of Economic and Social Affairs*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- Urdal H. 2006.** „A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence“. *International Studies Quarterly* 50: 607–629.
- USAID Convenes Conference for Arab Youth Development. 2011.** *USAID*. 14.11.2011. URL: <http://www.usaid.gov/press/releases/2011/pr111114.html>.
- Veenhoven R. 1984.** *Conditions of Happiness*. Dordrecht/Boston: Reidel.
- Veenhoven R., et al. 2010.** *World Database of Happiness*. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl/>.
- White L. A. 1968.** *Culturology. International Encyclopedia of the Social Sciences*. N. Y.: The Free Press. P. 547–550.
- World Bank. World Development Indicators Online. 2011.** Washington DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- World Development Indicators Online. 2012.** Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- World Bank Indicators Online 2016.** URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.
- World Happiness Report. 2012.** URL: <http://worldhappiness.report/ed/2012/>.
- World Marriage Data. 2011.** Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/theme/marriage-unions/WMD2015.shtml>.
- World Values Survey Wave 6: 2010-2014, 2015.** *World Values Survey*. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.